

КУЛЬТУРА

В номере «Труда» от 17.1.95 была опубликована подборка мнений деятелей культуры, размышляющих о феномене русского патриотизма. «Родину не выбирают». По ряду причин в нее не вошла реплика Вадима Кожина, литературоведа и публициста, одного из самых острых умов «русской партии». Это было определенной потерей, тем более что ряд мыслей, высказанных в заметке, можно было приписать кому угодно, кроме Кожина.

«...Более антипатриотичного народа, чем русский, на свете нет. Проклятия в адрес своей страны можно услышать и от обывателя, и от величайшего национального гения... Англичанин и иранец, индеец и француз считают свою страну лучшей в мире. Русский человек искренне полагает, что это последнее место на земле...»

Предыстория разговора и обусловила первый вопрос.

— Вадим Валерьевич, может быть, это чувство национальной неполноценности имеет под собой реальное основание, и Чаадаев, говоривший об ошибочности исторического пути России, был прав? Наша страна движется от одного поражения к другому: от Смутного времени к революции, от революции к сегодняшнему разорению. В XVII веке один из первых русских публицистов Иван Тихонович Посошков сравнивал полк служилых людей со стадом: «... лошади негодные, сабли тупые, сами скудные, безодежны, ружьем владеть не умеют; убьют двоих или троих татар и дивятся, ставят большим успехом, а своих хотя сотню положили — ничего!...» Современные параллели, на мой взгляд, напрашиваются сами собой.

На протяжении всей нашей истории бросается в глаза чудовищность российской неэффективности: войны, в которых мы, по выражению Астафьева, «заливаем противника собственной кровью и закидываем своими костями», заводы, каналы и города, которые и при Петре I, и при Сталине возводятся на трупах строителей...

— Ваш вопрос — еще одно свидетельство того, о чем я говорил: в сравнении с другими народами у русских чрезвычайно ослаблено патриотическое чувство. Но вызвано это не теми, вполне реальными вещами, которые вы имеете в виду, а более сложными моментами. Во-первых — огромностью страны. Уже в XI веке Русь занимала территорию, равную всей Западной Европе. Во-вторых, Россия всегда была многонациональной: русские нигде не жили на то, чтобы уничтожить какой-либо народ. Полиэтнической огромности страны, не дающей русским права настаивать на своем, и обусловлена ослабленность русского патриотизма.

Но сейчас в Российской Федерации русских 82%, а из оставшихся 18% только процентов шесть могут считаться другими народами — прочие давным-давно обрусели. Между тем во Франции французам около 80%, в Англии — 73% англичан, в Испании 70% испанцев. Но эти страны никто не считает многонациональными...

— Но это же совсем разные вещи! Одно дело алжирские эмигранты во Франции и выходцы из Вест-Индии в Британии, и совсем другое — мордвы, чуваш, якуты и татары, жившие на своей земле задолго до того, как туда пришли славяне. Такого калейдоскопа народов и народностей в Западной Европе нет.

— Калейдоскоп был уничтожен. Если вспомнить все сметенные с лица земли народы, жившие на территории основных западноевропейских стран, то вы ужаснетесь. Причем делалось это совершенно систематически. Гуманнейший и просвещенный английский историк Арнольд Тойнби с торжеством рассказывает, как были уничтожены народы, не принадлежавшие к основной европейской цивилизации. От пруссов осталась лишь слово «Пруссия» — а это был самый мощный, самый высококультурный из всех прибалтийских этносов...

— Не забудьте о славянах в Германии, целиком и полностью вырезанных во время столетней войны...

— Про это нечего и говорить. Все, что находится восточнее Эльбы, в течение долгих веков было основной славянской областью. Вся топонимика Восточной Германии славянская — и Эльба, и Берлин, и Бранденбург... А Франция, завоеванная германскими племенами? Там жили кельты, которые были полностью уничтожены. В России же нет ни одного исчезнувшего народа. И половцы, и печенеги, и берендеев потеряли себя, лишь войдя в состав монгольской империи. Живя в сфере русского влияния, они сохранили свою самобытность.

Вы говорите о том, что русские плохо воевали. Но за последнюю тысячу лет было три претендента на мировое господство: монголы, французы и немцы. Все три грандиозные, неслыханные для своего времени армии потерпели поражение в России...

— Монголам мы, однако, несколько столетий платили дань. Ничего плохого о доблести нашего народа я сказать не хотел, но в книге того же Ивана Посошкова «О ратном поведении» сказано: «...и на боях меняли своих голов по три, по четыре и больше на одну неприятельскую голову». Огромная страна была нашей естественной крепостью: даже не принимавшие участия в боях полки Наполеона к Бородине растаяли на треть. Армии завоевателей тонули в русских просторах...

— И гибли от русских морозов...

А ведь в действительности в начале французского бегства температура не опускалась ниже пяти градусов тепла, и Наполеон говорил, что осень под Москвой такая же, как в Фонтенбле. И насчет русских просторов — неправда. Наполеон двигался в России по довольно узкой линии, расстояние же от Немана до Москвы — менее 1000 км, а от Парижа до Немана — 1600 км. Где «просторы»? Далее, немцы погибли оттого, что американцы сильно бомбили их города. Думаю, что причина все же была в другом.

Помните скульптуру Родена «Граждане Кале»? Люди стоят и отдают противнику ключи от города. Когда в Европе вставал вопрос: жизнь или смерть, — люди сдавались. У нас никто не считал бы таких «граждан Кале» героями...

Вы сказали, что Чаадаев доказывал ошибочность исторического пути России. Это абсурд! Чаадаев, единственный из великих

на свою неэффективность, существующая система планирования... защищает даже беднейших граждан от полной нищеты».

Крупнейший экономист считал, что попытка построить рыночную экономику в России — это утопия, на которую ни один разумный человек пойти не мог.

— Но по законам рыночной экономики живет весь цивилизованный мир. Если мы выделяем наш народ из этого общемирового процесса, то не унижаем ли его, не соглашаясь ли с тем, что русские — пасынки истории?

— Вы заблуждаетесь. «Рыночная» экономика существует только в странах третьего мира.

— Я сошлюсь на стоящие на вашей книжной полке классические работы Фернана Броделя. Он убедительно доказывает, что рыночная экономика, экономика обмена, существует на протяжении всей мировой истории: биржи и бан-

ков-современников: нашего Ивана Грозного и Генриха VIII английского. Царь Иван без всякого суда казнил три, максимум четыре тысячи человек; король Генрих по закону уничтожил около двухсот тысяч. Семьдесят две тысячи из них были бродягами, крестьянами, согнанными с земли и искавшими, куда приткнуться. Их ловили и вешали вдоль дорог, а тела не убирали. Закон этот был разработан замечательным гуманистом Томасом Мором, позже казненным — после соответствующей судебной процедуры.

В России есть своя ложь и своя истина, свое безобразие и своя красота, свой грех и своя святость — не будем же говорить, что у них все хорошо, а у нас все плохо. Не станем впадать и в обратное заблуждение. Данилевский и Леонтьев, Шпенглер и Тойнби писали о самостоятельных суверенно развивающихся цивилизациях, которые нельзя

Вадим КОЖИНОВ:

В РОССИИ ЕСТЬ СВОЙ ГРЕХ И СВОЯ СВЯТОСТЬ

русских мыслителей, был настроен националистически. Он прямо говорил: мы будем действительно великой страной только тогда, когда откажемся от подражания Европе. Дело в том, что все читают лишь введение к его огромному, состоящему из восьми частей труду, «Философическим письмам», — и думают, что оно посвящено России. На самом деле Чаадаев критиковал здесь людей своего круга.

«На каждой странице нашей летописи мы находим мощную волю государства и мощное воздействие почвы (то есть народа). Но я не встречаю настоящей общественной активности...» Иными словами, он беспощадно критикует русскую интеллигенцию, не понимающую величия своего народа. Чаадаев был величайшим патриотом, и когда Пушкин написал «Клеветникам России», он тут же послал ему письмо: «...в этом стихотворении больше мыслей, чем сказано в нашей стране за столетие». Чаадаев был носителем государственного, имперского духа — он превозносил до небес Ивана Грозного, Петра и совершенно преклонялся перед Николаем I.

Вы начали наш разговор с того, что наша страна из века в век терпит страшные поражения. Это объясняется тем, что Россия всегда держалась на идее. Тютчев писал: «В Россию можно только верить» — потому, что она не столько реальность, сколько дух. Россия — идеократическая страна, страна, держащаяся на идее. Сначала в ней властвовали «православие, самодержавие, народность», потом — идея коммунизма... Как только идея дискредитировала себя, начинался полнейший распад государства.

Смутное время началось из-за того, что исчез представитель династии, «божий помазанник», — и в результате страна перестала существовать. Не менее острые социальные кризисы бывали и до, и после этого, но как только пресеклась правившая с 862 года династия, — все рассыпалось. И с величайшим трудом собралось, когда удалось убедить народ, что есть новый божий помазанник, воплощающий в себе идею православия и самодержавия.

То же самое было и в 1917 году. Как писал с присущей ему удалой Василий Розанов: «Россия сплинула в два дня. Самое большее — в три. Для этого понадобилось меньше времени, чем закрыть «Новое время». Враги большевиков, те, кто пришел к власти в феврале, совершенно не понимали природы страны. Они хотели построить новую Россию на законе. Но такое государство в России невозможно — гениальный Чаадаев прямо сказал: закон и право для русского народа бессмыслица. И большевики, совершенно этого не сознавая, победили потому, что стали строить идеократическое государство. С идеей революции, интернационала, всеобщего счастья...» Эта идея объединила страну, и она стала одной из двух наиболее мощных держав в мире.

Горбачев не понимал, что в России все держится на идеологии. Он рассчитывал дискредитировать прошлое государство, изменить его и остаться на самом вершине, правя приятной во всех отношениях страной. Но как только была дискредитирована идея, страна стала рушиться, и, пока она не обретет ее вновь, исцеления не произойдет. А на это может понадобиться долгое время. Смута, как известно, продолжалась с 1598 по 1613 год.

Огромная беда нашего народа — всеобщее бескультурье, из-за которого люди неспособны отличить истину от дешевой пропаганды. В 1989 году в «Литгазете» была напечатана статья одного из крупнейших экономистов мира, лауреата Нобелевской премии Василия Леонтьева. Он писал: «Неправильно было бы считать, что Горбачев и его коллеги намерены ввести в России свободную развивающуюся рыночную экономику. Конечно, это невозможно, даже если кто-нибудь и хотел бы это сделать. Идеальным конечным результатом успешной перестройки было бы установление смешанной системы, при которой самостоятельный рыночный механизм функционирует под строгим контролем государства... Несмотря

ки XVII века работали по тем же принципам, что и сегодня».

— Все правильно. Но я беру в руки справочник — смотрите сами, в мире нет страны, которая не дтировала бы в интересах населения цены на продукты питания, — кроме стран третьего мира и сегодняшней России. Этим и объясняется благоденствие людей, населяющих цивилизованные страны. А главное в другом — современная рыночная экономика существует только как мировая система, и войти в нее мы можем только на правах жалкого подсобного рабочего. Марк Михайлович Голанский, блестящий экономист, доказывает, что мы не можем этого сделать — мы опоздали. Значит, нужно исходить из государственной экономики...

Тридцать пять лет тому назад я был ярким антикоммунистом, более крайним, чем мои тогдашние приятели и знакомые Владимир Максимов, Андрей Синявский и Александр Зиновьев. Только потом я понял, что отрицание нескольких десятилетий жизни народа, отразившихся на состоянии всего мира, нелепо. Бессмысленно критиковать прошлое. Прошлое надо понимать — критиковать нужно современность. И когда вы мне говорите о жестокости русской истории — это опять-таки от невежества. Вы имеете представление о том, что во время Реформации в Германии погибло 4/5 населения?

— Вадим Валерьевич, какие чувства у вас вызовет немец, который, имея в виду историю Германии тридцатых — сороковых годов, скажет: прошлое надо не критиковать, а понимать?.. Я говорил не о том, что наша история более кровава, чем история западных стран, а о том, что она принципиально иная. У замечательного русского историка Б.Ф. Поршнева есть книга «Крестьянские восстания во Франции перед Фрондой». Он приводит любопытный эпизод: по приказу Ришелье колесуют отъявленного бунтовщика, державшего в страхе всю провинцию. Страна была потрясена: но не тем, что человеку переломали кости на колесе. Приближалась гражданская война, солдаты совершали чудовищные жестокости, крестьяне умирали от голода, встречались случаи каннибализма — но то, что королевский чиновник казнил человека без суда, для общества было шоком. В основе западной истории, западного сознания — закон; это придает им целостность, спасает общество от разрушения. В результате в западной культуре гораздо большую, чем у нас, цену приобрели человеческие жизни и достоинство. Знатнейшие горожане Кале, спасая земляков, вышли навстречу победителям в одних рубашках (в Средневековье — знак поругания) и с веревками на шее — на позор и смерть. За этот подвиг самопожертвования, а вовсе не за сдачу города им и поставили памятник. Возможно, перестройка и была утопией, как и стремление в рекордно короткие сроки построить в России капитализм. Но разве не привлекательна попытка перевести российскую историю с вымышленного человеческого костяма пути? Вы сказали, что в основании России лежит идея. Но идея, как известно, переходящая — следовательно, мы обречены на циклически повторяющиеся исторические крахи. Едва ли нам удастся измениться: тот же Бродель писал, что в истории любой страны есть огромная сила инерции. Бедные и неустроенные обречены на свою судьбу... И все же наши реформаторы вызывают у меня сочувствие.

— Тем не менее критиковать прошлое бессмысленно: так же, как и упрекать какую-то страну в том, что она непохожа на другие, а мужчину — в том, что он не женщина. Я совершенно с вами согласен: за редкими исключениями, которые всегда вызвали осуждение, на Западе с давних времен установилась власть монарха. Но вспомним двух монар-

мерить одной меркой. Вспомним Пушкина: явления надо судить по законам, им самим над собою признанным.

Я с вами совершенно согласен: идеократичность России обусловила ее страшные поражения. Но вместе с тем — и победы, и взлеты тоже! Недавно я читал одного американского автора, крайне отрицательно отзывающегося о России. В то же время он выделяет четыре великие эпохи в истории человеческой культуры: библейскую, классическую Грецию, европейское Возрождение и русский XIX век...

А теперь — о трагическом. Человеческое бытие трагично по определению, ведь человек смертен, более того — он знает об этом. Смертен не только частный человек, но и народ — сколько наций уже перестало существовать! Да, история России трагична, но в этом и есть ее избранность: здесь обнажена сама сущность человеческого бытия.

— Чем же здесь отличается Запад?

— На Западе все обстоит по-иному: там люди стараются не замечать смерти или же относятся к ней совершенно по-бытовому. Русский человек боится кладбища, а на Западе этого нет. В свое время в Веймаре меня потрясло то, что кладбище расположено в центре города, напротив самых богатых домов; их жильцы с особым удовлетворением высматривали места своих будущих могил... Это особый, очень достойный вид существования; западного человека не только не смущает смерть — он всегда удовлетворен своей жизнью. Русский же вечно недоволен и, как это ни дико звучит, в глубине души полагает, что насчет смерти — это еще бабушка надвое сказала. И вообще, может быть, я завтра буду министром... Два совершенно разных менталитета — западный, исполненный высокого достоинства (любой немецкий трубочист или мусорщик сознает важность и необходимость своего дела), и русский, с его самоедством и неудовлетворенностью. Но вместе с тем и радости, веселости, которая присуща русским, на Западе нет — западный человек ясно видит черную дыру, которая его ждет впереди.

И все же это не трагическое мироощущение; трагизм рождается на грани, на самом срезе жизни и смерти. Об этом очень интересно говорил мне Бахтин: по его мнению, люди, с именем Сталина бросавшиеся под танки, не верили, что они умирают. Они считали, что эта формула — «за Сталина!» — переносит их в какую-то иную жизнь. И это очень глубокая мысль — русский человек не думает, что, умирая, он уходит в небытие.

Мы никогда не будем жить как немцы или японцы — хотя бы потому, что никогда ими не станем. Никогда! Я видел, как японские рабочие в Токио ремонтируют мостовую. Впечатление такое, как будто они в теннис играют: никакой торопливости, размеренные движения, но при этом — ни одного лишнего. Никаких перекуров, никакой расслабленности... Такой профессионализм должен быть достигнут предками и закреплен генетически.

Но даже в Японии многие не выдерживают ритма этой жизни — часто можно увидеть бродяг, лежащих на газетах прямо на улице. Это их выбор — они не вписались в рыночную экономику. Что же произойдет у нас? Ведь в России всегда было очень много людей, не желающих заботиться о собственном благополучии. Многие из наших гениев не имели собственной крыши над головой и по всем формальным признакам были бомжами. Мусоргский, Аполлон Григорьев, Полещев, Есенин... В западной системе отношений им едва ли удалось бы выжить — тем более заниматься творчеством.

В заключение я хочу повторить сказанное выше: в России есть своя ложь и своя истина, свое безобразие и своя красота. И она останется Россией — или ее вообще не будет...

Беседу вел Алексей Филиппов.